

МӘДЕНИ МҰРА
ғылыми журнал

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
научный журнал

CULTURAL HERITAGE
science journal

ISSN: 2708-3365

№ 3 (98)

Астана
2022

Редакциялық алқа:

А. Мұхамедиұлы,	өнертану докторы, профессор (алқа төрағасы)
Асанканов А.А.,	тарих ғылымдарының докторы, ҚР ҰҒА корреспондент мүшесі (Қырғызстан)
Әбдуақап Қара,	тарих ғылымдарының докторы, профессор (Түркия)
Бороффка Н.,	археология докторы, профессор (Германия)
Бейсенов А.З.,	тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан)
Ибадуллаева З.Ө.,	тарих ғылымдарының кандидаты, доцент (Қазақстан)
Ибраева А.Г.,	тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР Ұлттық Жаратылыстану ғылымдары академиясының академигі (Қазақстан)
Қасенәлі А.Е.,	PhD докторы (Қазақстан)
Купаева А.Қ.,	PhD докторы (Қазақстан)
Қартаева Т.Е.,	тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан)
Малдыбаева Р.К.,	өнертану кандидаты (Қазақстан)
Мұқтар Ә.Қ.,	тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)
Нұразхан А.Ш.,	педагогика ғылымдарының кандидаты, ҚР Көркемөнер академиясының академигі (Қазақстан)
Оңғар А.,	тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан)
Самашев З.С.,	тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)
Төлеубаев Ә.Т.,	тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)
Смағұлов О.С.,	ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы (Қазақстан)
Таймағамбетов Ж.Қ.,	ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан)
Үмітқалиев Ұ.Ұ.,	тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан)
Шамильоглу Ю.,	Висконсин университетінің профессоры (АҚШ)

МАЗМҰНЫ / СОДЕРЖАНИЕ

Әдет-ғұрыптар, салт-дәстүрлер / Обычаи, традиции

Артықбаев Ж.О. Шырақшы – мәңгілік құндылықтар сақшысы	4
Қатран Д. Мәні мен сыры ерек, ұмыт болған әдет-ғұрыптар жөнінде	13
Тойшанұлы А. «Диуанабәйт» – салт өлеңінің ескі үлгісі	21
Усманова Ә.Р. Тулпары Терисаккана	27
Егізбаева М.Қ. XIX-XX ғ. басындағы Шығыс Қазақстандағы дәстүрлі аңшылық	38

Орындаушылық өнер / Исполнительное искусство

Шегебаев П. Об единстве личностных качеств народного музыканта и стилических свойств его музыки (на примере Курмангазы)	46
Базарбаева Н.С., Өтеғалиева С.Ы. Дина Нұрпейісова және басқа домбырашылардың интерпретациясындағы алдыңғы буын өкілдерінің күйлері (Құрманғазының «Қайран шешем», Дәулеткерейдің «Көркем ханым» күйлерінің мысалында)	52
Бердібай А.Р., Әбиділда М.Б. Жыршы Д. Жолымбетов орындауындағы Сыр бойы эпикалық мақамдарының музыкалық-стильдік ерекшеліктері («Асау барак» жырының бірінші мақамы мысалында)	61
Қазтуғанова А.Ж. Күй өнеріндегі орындаушылық нұсқалар: теориялық және тәжірибелік тұрғыдан игеру	75
Жаманбалинов Е.Е. Шығыс Қазақстан домбыра дәстүріндегі «Ақсақ қаз» күйлерінің ерекшеліктері	90
Сабирова А.С., Басығара Е.Б. Воспитательная роль песенного наследия Абая в исследовании Г. Чумбаловой	100

Дәстүрлі қолөнермен байланысты білім мен дағдылар / Знания и навыки, связанные с традиционным ремеслом

Шайгозова Ж.Н., Музафаров Р.Р. Языки казахской культуры: топонимы как код и отражение картины мира (на примере числительных, цветовых и зоонимных обозначений)	107
Бутеев Б.О. Казахские и хонгорские названия сортов кожи и шкур: историческая ретроспектива	118

Тарих. Тұлға / История. Личность

Бекенова М.С. Абай Кунанбайұлы и современное казахстанское общество	127
Омарова А.К. А.В. Затаевич: штрихи к «портрету»	133
Жәкішева З.С. Рухани және заттық мәдениеттің байланысы	147

CONTENTS

Customs, rituals

Artykbaev Zh.O. Shyrakshy – on guard of eternal values	4
Qatran D. Forgotten custom: meaning and features ..	13
Toishanuly A. «Diuanabait» is an ancient type of ritual song	21
Usmanova E.R. Tulpars of Terisakkan	27
Yegizbayeva M.K. Traditional hunting in East Kazakhstan of the XIX-early XX centuries	38

Performing arts

Shegebaev P. On the unity of the personal qualities of a folk musician and the stylistic properties of his music (on the example of Kurmangazy)	46
Bazarbaeva N.S., Otegaliyeva S.Y. Kuis of the representatives of the previous generation in the interpretation of Dina Nurpeisova and other dombrists (on the example of Kurmangazy «Kayran sheshem», Dauletkey «Korkem khanyam»)	52

Berdibay A.R., Abidilda M. Musical and style features of the performance of the epic tradition of Syrdariya zhyrshy by D. Zholymbetov (on the example of the first maqam of the epic «Asaubarak»)	61
--	----

Kaztuganova A.Zh. Performing variants in the art of kuy: theoretical and practical development	75
---	----

Zhamanbalinov E. Peculiarities of kyuy «Aksak kaz» in the dombra tradition Eastern Kazakhstan	90
Sabirova A.S., Basygara E.B. The educational role of Abai's song heritage in G. Chumbalova's research	100

Knowledge and skills related to traditional craft

Shaigozova Zh., Muzafarov R. Languages of kazakh culture: toponyms as a code and reflection of the world picture (on the example of numerals, colour and zoonyms)	107
Buteyev B.O. Kazakh and khongor names of leather and skin grades: a historical retrospective	118

History. Personality

Bekenova M.S. Abay Kunanbayuly and modern kazakhstan society	127
Omarova A.K. A.V. Zataevich: touches to the «portrait»	133
Jakisheva Z.S. Interrelation of material and non-material culture	147

ДӘСТҮРЛІ ҚОЛӨНЕРМЕН БАЙЛАНЫСТЫ БІЛІМ МЕН DAҒДЫЛАР

ЗНАНИЯ И НАВЫКИ, СВЯЗАННЫЕ С ТРАДИЦИОННЫМ РЕМЕСЛОМ

<https://doi.org/10.47500/2022.v11.i3.12>

МРНТИ 13.09

Шайгозова Ж.Н.¹, Музафаров Р.Р.²

¹Казахский национальный педагогический университет имени Абая,

²Национальный комитет по охране нематериального культурного наследия

Республики Казахстан

г. Алматы, Казахстан

e-mail: zanna_73@mail.ru

ЯЗЫКИ КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ТОПОНИМЫ КАК КОД И ОТРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА (на примере числительных, цветовых и зоонимных обозначений)

Изучению топонимов как «текста» или кода посвящены труды ряда отечественных и зарубежных ученых, которые считают, что при декодировании/расшифровке топонима выявляется широкое разноплановое информативное поле. Отсюда, этнотопонимы в современной гуманитарной науке рассматриваются как значительный пласт пропарияльной лексики, отражающей ряд их функций: социальную, ритуальную, семантико-информативную, символическую и др.

Исследование топонимики Казахстана в обозначенном аспекте имеет большое значение не только для истории языка (выявление исчезнувших и неупотребительных слов – архаизмов) и других культурологических вопросов, но и для такой важной отрасли как нематериальное культурное наследие.

Отсюда, целью настоящей статьи является попытка реконструкции семиотико-символического значения казахстанских топонимов с числительными, цветовыми и зоонимными обозначениями.

В данной работе авторы, стремятся констатировать потенциальную полисемию топонимики Казахстана, ее разнообразные функции в языковой системе и художественной и мифологической речи, а также их роль в интерпретации национального мировидения и мировосприятия.

Ключевые слова: языки казахской культуры, топонимы, код, картина мира, нематериальное культурное наследие.

Введение. В отечественной науке сложилась определенная научная база в этой области, которая представлена трудами известных ученых. Среди них: Султаньяев О.А. (Султаньяев, 1969; Султаньяев, 1971), Койчубаев Е. (Койчубаев, 1973), Попова В.П. (Попова, 1997), Конкашпаев Г.К. (Конкашпаев, 1962) и многие другие. Их исследования послужили фундаментальной основой настоящей работы.

Вместе, в науке превалирует мнение о топонимике как науке, развивающейся на стыке лингвистики, истории и географии. Однако, на наш взгляд, топонимика обладает гораздо большим ресурсом и может изучаться с позиции культурологического и семиотического подхода, который успешно применен М. Семби в книге «Память земли тюрко-монгольской: истоки и символика топонимов (тюркский меридиан)» (Семби, 2013). В ней автор раскрывает многие семантические компоненты тюркских топонимов, активно привлекая данные из фольклористики и других гуманитарных дисциплин.

Таким образом, авторы рассматривают традиционные казахские топонимы в качестве своеобразных знаков, которые характеризуют природные объекты, их расположение, хранят и передают информацию о геокультурном пространстве Казахстана. Ведь, М. Семби в этом аспекте пишет: дать название – значит владеть (Семби, 2013: 12).

Числительные в топонимах Казахстана. Значительное место в этнотопонимах Казахстана занимают названия местностей с числительными. Такие топонимы, выражая характерную черту местности, имеют символическое, ритуальное значение, а многие из них выступают как культурные универсалии.

Безусловно, прав Г.К. Тлеубай отмечая, что числовые представления (как и наша речь) неразрывно связаны с существованием самого человека, так как на всех ступенях своей истории он был связан с процессом счета окружающих предметов и проведением каких-то измерений (Тлеубай, 2012: 3). В этом плане большой интерес представляют тюркские топонимы, где числа являются элементами семантического кода, с помощью которого

описывается/упорядочивается окружающий мир.

Так, согласно Л.С. Кара-оол (Кара-оол, 2019) топонимы с числительными могут быть производными и непроизводными. Анализ топонимов с числительными (более 70 позиций на примере нескольких областей), представленных в Таблице 1 показал, что основную массу казахских топонимов с числительными составляют производные, которые образуются двумя основными способами. Первый способ, называемый конверсией, подразумевает под собой переход имен числительных в собственные существительные. Второй синтаксический способ: сложные слова из двух и более основ или когда в качестве вторых компонентов выступают имена существительные и прилагательные.

В целом, среди казахских топонимов конверсия встречается очень редко – например, река Жангыз (Жалгыз – один/одна) в Центральном Казахстане. Самым распространённым является синтаксический способ: число + существительное/прилагательное (біртал – одна/одинокая ива), число + существительное (жетіқара – семь сопков) и т.д. Часто встречаются более сложнообразованные числительные топонимы: біртабаң қарасор (чёрный солончак размером в одну стопу): число + существительное и прилагательное + существительное.

На обширном тюркском материале Л.С. Кара-оол выделяет несколько типов числительных топонимов: 1) топонимы, в которых количественный показатель точно определяет число географических объектов; 2) топонимы, в которых количественный показатель передает значение «несколько»; 3) топонимы, в которых количественный показатель передает значение «много»; 4) топонимы с неясным количественным показателем (Кара-оол, 2019: 694).

В казахской культуре, первый тип представлен следующими примерами: «алтайғыр» (шесть жеребцов), «бесағаш» (пять деревьев), «бестөбе» (пять холмов), «біртал» (одинокое дерево), «қосқара» (два черных), «костам» (пара могил) и многие другие; второй тип не обнаружен; третий тип представлен достаточно хорошо, например, «көпбулак» (множество родников), «көпмола»

(множество могил), «көптас» (множество камней) и т.д.; в четвертый тип можно отнести топонимы с такими числительными как «мын» (тысяча) или «жуз» (сто), к примеру, «мынкудык» (тысяча колодцев), «жузағаш» (сто деревьев) и другие.

Анализ представленных топонимов показал, что встречаются числительные топонимы с цифрами «бір» (один), «екі» (два), «үш» (три), «төрт» (четыре), «бес» (пять), «алты» (шесть), «жеті» (семь), «он» (десять). Чаще всего встречаются топонимы с цифрой «бес» (пять); с цифрой «бір» (один). Примечательно, что с единицей как числовой дефиницией встречаются топонимы с прилагательным «жалғыз» (одинокий) – жалғызкөл (одинокое озеро), «жалғызтөбе» (одинокая гора) и другие.

Популярными топонимами являются географические названия, отражающие с количественный показатель «қос - пара», к примеру: «көстөбе» – «парные холмы», «қосшоқы» – «пара сопка», «қосқұдық» – «пара колодцев» и многие другие.

Привлекают внимание топонимы с относительным количественным показателем «много/множество», которые выражены через сакральные в казахской культуре числа.

Об этом казахстанский ученый С.К. Кенесбаев отмечал: «значительную часть устойчивых словосочетаний в казахском языке составляют числа «один», «три», «семь». Эти числа являются основой фразеологических сочетаний, так как с древних времен связаны с сознанием и мыслительной деятельностью народа. Данные слова во фразеологизмах в значении числа не используются, но они используются как символы познавательных явлений» (Кенесбаев, 1997: 351).

В пояснении специфики традиционной числовой символики казахов значительны выводы А.Ш. Мирзабековой, которая считает, что в вербальных текстах часто употребляются определенные четные и нечетные числа: «два», «четыре», «шесть», «восемь», «сорок», «шестьдесят два» и «три», «пять», «семь». Очевидно, в четных числах содержится символика ограничения, указание каких-то пределов протяженности во времени и пространстве, а в нечетных – характеристика структурности, слоев, процессуальности, улавливание незавершенности (Мирзабекова,

2014: 113). Возможно, что именно структура/специфика нечетного и четного стала одним из оснований для наименования той или иной географической местности.

В отношении символики числа «бір» (один) исследователь К.А. Кусманова отмечает его двойную функцию: положительную и негативную коннотацию. В одном случае, «один – это знак одиночества и человеческого «я»... В основном число один в символическом переосмыслении несет положительную коннотацию и это число рассматривается как число созидания», пишет ученый (Кусманова, 2014: 162). В целом, в тюркской/казахской культуре – это число символизирует Единство Вселенной и Единство Бога, что отражено в выражении «Бір Тәңір» (один Тенгри/ один Бог), т.е. число один – это начало всех начал, а также выражает единство, единомыслие и даже абсолютное спокойствие.

Гораздо продуктивнее и более основательным представляется взгляд башкирского ученого Р.Т. Муратовой в отношении числовой символики «бір» (один), рассматриваемой нами через призму топонимики. Так, исследователь пишет: одно из наиболее часто встречающихся значений числа бер «один» – это наличие, существование кого-либо, чего-либо. Это значение тесно связано с употреблением числа бер «один» в качестве неопределенного артикля. Такая семантика числа бер «один» встречается в эпосах, сказках, где проявляются мифологические представления народа (Муратова, 2009: 9). В этом случае, число один означает «некое место» (бер урын – одно место) – «пространство, имеющее определенные пределы, где зарождается жизнь, происходит какое-либо событие, находится какой-либо объект, персонаж» (Муратова, 2009: 7-8).

Однако, существуют и другие мнения. К примеру, представитель тартуйской семиотической школы Э.К. Эрнитс на основе анализа обширного древнетюркского лексического материала приходит к выводу о том, что изначальным значением числительного «один» было указание на близко находящиеся от говорящего объекты. Этим доказываются также, что в тюркских языках развитие числительного шло путем, типологически сходным с другими евразийскими языками (Эрнитс, 1987: 79).

Сказанное означает, что более детальное изучение числовой символики топонимов с числом «один» в казахской культуре с привлечением фольклорных данных (мифов, сказаний, легенд и т.д.) может раскрыть более глубокий этимологический уровень названия той или иной местности.

Гораздо меньше, но все же встречаются топонимы с цифрой «екі», «екінші» и «егіз» (два, второй, близнецы или двойняшки). О символике этого числа многие специалисты (Тлеубай, 2012; Кара-оол, 2019) отмечают его бинарность, которая выражается в противоположности двух начал (мужчина-женщина, день-ночь и т.д.). Интересно, также этимология «кос» – парный/пара, что означает «прибавление, присоединение», это соединение двух/пары, которые не могут разбежаться и представляют собой как бы единое целое. Топонимы с «кос» часто встречаются в географических названиях Казахстана.

Не менее популярны топонимы с цифрой «үш» («три»). Значение этой цифры отражено во многих культурных «текстах» казахов: мифологических представлениях о триединстве мира (верхний, срединный и нижний), представлениях о человеческой душе (ет-жан, шыбын-жан, рух-жан) и многие другие. Это число символизирует «завершенность и полноту некоторой последовательности, имеющей начало, середину и конец, чаще всего фигурирует в обрядовых и ритуальных ситуациях трижды совершать то или иное магическое действие» (Кусманова. 2014: 11).

Существуют и топонимы с числом «төрт» (четыре), которые тоже имеют сакральное значение у казахов, что выражается в представлениях о четырех сторонах света и четырех стихиях, четырех видах домашнего скота и их покровителях Ойсыл кара (покровитель верблюда), Камбар ата (покровитель лошадей), Зенги баба (покровитель коров), Шопан ата (покровитель овец и коз) и т.д. Вместе с тем, А.Ш. Мирзабекова считает, что число «четыре» употребляется как принцип ограничения пространства или круга явлений. Так, понятие о четырех углах света содержится в надписи на памятнике Кюль-тегину и в мифе о Коркыте-ата, который в поисках бессмертия обошел четыре угла света (Кенесбаев, 1977: 115). При этом, цифра четыре создает такой

орнаментальный элемент как квадрат, который как символ земли или освоенного пространства очень часто фигурирует на одежде, на разнообразных коврах и других декорируемых поверхностях.

Наиболее популярными являются топонимы с числом «бес». Р.М. Муратова (Муратова, 2009) связывает символику числа «пять» у башкир с суммой горизонтального пространства с центром, сакральными пяти странами в эпосе «Урал-батыр», а также с пятью молитвами мусульман и др. Данная числовая дефиниция у казахов связана с самым популярным национальным блюдом («бесбармақ»), с понятием «бес қару» (пять оружий) и др. «Бес» в таком понимании выражает силу, объединение, что выражается в пословицах «бес бармақ жиналса, жұдырық болады».

При этом, по мнению А.Ш. Мирзабековой число «пять» выражает нечто отличительное в человеке. Например, «бес аспап адам» - букв.: человек, владеющий пятью инструментами, что означает «золотые руки», талантливый (Мирзабекова, 2014: 116). Следовательно, относительно топонимов эта цифра может демонстрировать не только объединение каких-либо природных объектов (пяти деревьев, например), но и некую исключительность местности. Примером, может служить знаменитый курганный комплекс Бесшатыр (букв. – пять шатров), который на самом деле включает в себя не пять курганов, а гораздо больше. Тогда как сам комплекс образует некую спираль, т.е. курганы расположены относительно друг друга не равноудаленно от центра, а по спирали.

Интерес представляют и топонимы с цифрой «алты» (шесть). В целом, эта цифра «выражает новые оттенки в протяженности: структурность целого, дробление, разъединение. Например, «алты алаштын баласы» (букв.: дети шести народностей) означает «весь казахский народ». «Алтыбақан ала ауыз» (букв.: разъединены как шесть качелей) означает постоянные раздоры, разлад (Мирзабекова, 2014: 116). Значит, данная числовая дефиниция имеет двоякое значение и может употребляться в разных смысловых значениях, включая и топонимику.

Глубокой символикой отличается цифра «жеті» (семь). С ней практически

все исследователи связывают особый ряд разноплановых культурных явлений: «жеті ата» (знание своих предков до седьмого колена), «жеты шелпек» (семь лепешек), «жеты қазына» (семь богатств) и т.д. Сакральность этого числа в казахской культуре не вызывает никаких сомнений, а в его семантике кроется завершенность, актуализируется значение достижения – предела подсчета.

Разбирая, семантику топонима «Жетысу», связанную цифрой семь М. Семби (Семби, 2013) достаточно полно и образно раскрыл значение смыслодержательного числительного, где автор на основе огромного фактологического материала приходит к выводу о том, что термин «Жетысу» несет в себе идею изобилия и плодородия. В целом, С.К. Кенесбаев писал: «значительное количество устойчивых сочетаний слов (идиомы, пословицы, поговорки и др.) группируются вокруг некоторых числительных: семь, три, девять, сорок – как вокруг своего рода «стержневых» слов, что связано с древними верованиями и обрядами. В идиомах и других фразеологизмах они не имеют точного числового значения» (Кенесбаев, 1977: 23).

В нашей Таблице 1 не представлены топонимы с цифрой «сегіз» и «тоғыз». Но нам бы хотелось отметить об их распространенности в пределах тюрко-монгольского мира.

Число «восемь» в казахской культуре употребляется в смысле многогранности, одаренности личности: «восьмигранный», а число «девять» по праву относится к ритуальным и репродуцируется в девяти предметах приданного казахской невесты, в наличии девять видов живности на подворье и т.д. В целом, у тюрков числительное «девять» было своеобразным пределом подсчета, «об этом свидетельствует его значение «много, неисчислимо» (Кузнецов, 1999: 21) в тюркских языках. К этой же категории относятся и топонимы с числом «он» (десять).

Резюмируя, вышеизложенное можно сказать, что в казахстанских топонимах сакральную семантику приобретают не все числа, а только определенные. В этом плане, если можно так сказать, наиболее продуктивными в символизации являются числительные первого десятка. При этом, анализ показал, что с усложнением морфологической структуры числительных

снижается активность их употребления, о чем свидетельствует ограниченное количество составных топонимов с числительными обозначениями.

Вместе с тем, перспективным в рассматриваемом направлении представляется изучение топонимов (и с числительными обозначениями в том числе) с привлечением фольклорных данных (топонимических легенд, сказаний, исторических повествований и т.д.), которые позволяют раскрыть значение того или иного топонима в корреляции с событиями сакральной истории/действия.

Топонимы с цветовыми обозначениями.

Наиболее распространенными в казахстанских топонимах являются географические названия с цветовыми обозначениями. Анализ цветообозначений в топонимической системе казахского языка на примере только одной Акмолинской области показывает, что в казахской культуре встречается очень много географических наименований, связанных с лексемами ак – «белый», қара – «черный», сары – «желтый», кызыл – «красный», көк – «синий», «голубой», «зеленый» и др. По своему составу топонимы-цветообозначения являются сложными, образованными в основном по модели «имя прилагательное цветообозначение + имя существительное».

По сравнению с топонимами, содержащими числительные обозначения топонимы с цветовыми обозначениями встречаются гораздо чаще. Безусловным фаворитом являются топонимы, отражающие белый цвет (59 позиций), черный цвет (57 позиций), желтый цвет (24 позиции), красный цвет (19 позиций), синий/голубой (10 позиций), а остальные цветовые обозначения встречаются незначительно.

Таким образом, самыми популярными топонимами с цветовыми обозначениями являются ақ (белый) и қара (черный). Эта пара играет особую роль в традиционной культуре казахов, проявляясь по словам М. Семби (Семби, 2013: 76) как бинарная оппозиция – «хорошее – плохое».

Белый традиционно во всех культурах связывается с чистотой, святостью и др., что подчеркивается в трудах и казахстанских ученых Ж. Таниевой (Таниева, 2010), Б. Утешевой (Утешева, 2001). В семантическом ряду значатся

такие культуронимы как: «ақ сүйек» (белая кость – чингизиды), ритуальная белая кошма, на которой возводили в ханы, животные белой масти, аксакал – белобородый старик и многие другие. Как правило, гидронимы с «ақ» могут характеризовать мутно-белую, чистую, ледниковую, пресную воду. Кроме этого, исследователи отмечают, что слово «ақ» у тюркских народов соотносилось с западом, с западной стороной света. М. Семби насчет этимологии топонима Акмола пишет, что это «белый дом, белое здание, белый мавзолей» над могилой погребенного, где цветовая характеристика совместилась со значением «святое» – *аң* (Семби, 2013: 85). Таким образом, ученые выделяют несколько категорий этимологии топонимов с ақ. Синонимом ақ в казахском языке является «цветовое» понятие «*боз*». В народном понимании любая светлая поверхность считается белой, поэтому в Казахстане часто встречаются топонимы с этим понятием.

Символика черного цвета («*қара*») в казахской культуре имеет двойное значение. С одной стороны, он обозначает цвет траура (как и во многих культурах), с другой – оно обозначает такие понятия как старший, большой, древний, многочисленный, сильный (к примеру, *қара шаңырақ* – отцовский дом). Об этом Утешева Б. отмечает, что в тюркских языках черный цвет «*қара*» имеет несколько значений: 1) черный, вороной; 2) темный, лишенный света, погруженный во мрак; 3) виновный; 4) траур; 5) великий, могучий, сильный; 6) скот, толпа, народ, войско; 7) плохой, скверный. Такой разнообразный диапазон значений слова «*қара*» объясняется результатом контаминации разных по значению слов, получивших в ходе исторического развития одинаковую форму, чему могла способствовать и известная общность семантики (Утешева, 2001: 33).

Следующими по частоте встречаемости выступают топонимы с обозначением желтого цвета (сары). О нем М. Семби, разбирая топоним «Сары-Арка» отмечает, что в древности *сары* имело еще одно значение – «направление, сторона»... Таким образом, топоним *Сарыарка* составлен из *сары* – «сторона» и *арка* – «северная». *Сарыарка* – северная сторона (Семби, 2013: 24).

В целом, «сары дала» трактуется некоторыми исследователями «как сухая или

необузданная степь». Близкородственным к сары представляется золотой (алтын) как проекции солнца. В тюркской культуре золото – это «универсальный космический символ, с которым связано появление земли и первого человека, предков правителей и самих правителей, понятие вечности, нетленности, прочности, истинности и т.д.» (Таниева, 2010: 164).

Относительно топонимов сары или алтын может применяться в различных понятиях, первый в отношении стороны, второй вероятнее всего использовали тогда, когда стремились подчеркнуть некую значимость объекта. Но, думается, что более детальное их изучение позволит точнее интерпретировать множество ракурсов конкретных обозначений. Е. Койчубаев считает, что элементу сар, сары в составе казахских топонимов придает значение «широкий», «обширный», «просторный» (Койчубаев, 1974: 190-192).

В целом, в тюркской культуре встречаются различные дефиниции по поводу обозначения цветом севера – это может быть и черный, и даже желтый. Отсюда, каждый топоним необходимо рассматривать в полной взаимосвязи его определяющих (исторический, культурный, временный диапазон и т.д.).

Интересные сведения можно почерпнуть, исследуя топонимы с лексемой «*кызыл*» (красный). Красный традиционно в казахской культуре связывается с жизнью и связывается с югом.

Среди казахстанских топонимов встречаются и географические названия с «*ала*» (пестрый, разноцветный). Этот культуроним является одним из интереснейших в тюркской культуре в целом и имеет многообразие оттенков. Ведь, пестрый цвет у казахов символизирует срединный мир, жизнь со всеми оттенками: доброе и злое, единство и разногласия и т.д.

Об этимологии «*көк*» считается, что в древнетюркских письменных памятниках значение этого слова соотносится с востоком, или восточной стороной. При этом, это слово в казахской культуре может означать и синий, и зеленый цвет одновременно.

Краткое изложение семантики топонимов с цветовыми обозначениями показывают их высокую вариативность, а также широкие потенции в создании сложных топонимов и

их коннотативных значений. Интересно, что с «цветовыми» топонимами «в цепке» очень часто встречаются зоонимные.

Топонимы с обозначением животных.

Анализ этого вида топонимов показал, что наиболее популярными являются географические названия так или иначе, связанные с конем/лошадью.

Например, только в одной Павлодарской области встречаются следующие географические названия: горы Бозайғыр («сивый/белый жеребец»), урочище Сарыайғыр («желтый жеребец»), гора Караайғыр («черный жеребец»), развилка Шубарайғыр («чубарый жеребец»), озеро Торайғыр («гнедой жеребец»), гора Айғыр («жеребец»), Айғыртас («жеребчатый камень»), Айғыржал, урочище Бозбие («сивая/белая кобылица»), Алабие («пестрая кобыла»), Торбие («гнедая кобыла»), Қарабие («черная кобылица»), Босбие («свободная кобылица»), реч. Құрымбие, озеро Қаракасқа («қасқа – отметина на лбу, қара қасқа ат – карий конь с белой отметиной на лбу»), Ушқасқа («три отметины»), Қасқаат («конь с отметиной»), Қаскабие («кобылица с отметиной»), оз. Бурылат («бурый конь»), ур. Сарыат («желтый конь»), Тай («годовалый жеребенок») и многие другие.

При этом, исследователь Г.К. Конкашпаев в «Словаре казахских географических названий» пишет, что «айғыр – жеребец, в составе сложного географического названия приобретает значение – большой» (Конкашпаев, 1963: 134).

В зоотопонимике Казахстана встречаются названия, связанные с определенным событием или деятельностью. К примеру, Жылқықамаган «где лошадей держали (в загоне)» или Тайжеген, «где стригуна (годовалого жеребенка) съели». Так, в названии старейшего природного заповедника в Южно-Казахстанской области Аксу-Жабаглы, легли названия двух рек: Аксу (белая вода) и Жабагылы. Казахи называют жабагы жеребенка-сосунка в возрасте пяти-шести месяцев в первую осень после рождения. Возможно, в названии реки легло название одноименной долины – местности, где полно жеребят.

Из домашних животных среди топонимов часто встречаются корова/бык/теленки. К примеру, встречаются местности

со следующими названиями: *Сырольген* «где корова пала», *Бука* «бугай», *Соқыроғыз* «слепой вол», *Бузауолан* «телячья осока», *Торнак-июгы* «телячий колокол» и многие другие. Не менее популярны и названия, связанные с овцой: *Койишилик* «овечий тростник», *Кошкар-сойган* «где барана зарезали», *Аккозы* «белый ягненок» (Султаньяев, 1973: 62). Существует и поселок с говорящим названием *Қойкелды* («овцы пришли»). Таким образом, и бык/корова, и овца занимали особое место в миропонимании казахов и входили в круг священных, особо почитаемых животных – *кие*.

Важное место в иерархии топонимов занимает верблюд/верблюдица. Казахи-верблюдоводы нарекали названием этого священного животного поселки, озера, горы и даже колодцы. Первенство принадлежит *Бурабаю* – Национальному заповеднику Казахстана. Согласно древней казахской легенде в этих местах некогда жил *Бура* – огромный верблюд, защитник местности Көкше (верблюдо-производитель). Народ почитал и боготворил Буру, но однажды неразумный сын хана Касыма подстерел его. На месте его гибели образовалась гора, своими начертаниями напоминающими два горба верблюда. Поэтому гора и носит название *Бурабай*.

В Атырауской области существует озеро *Буракөл* и местность *Буратиген* (двугорбый верблюдо-производитель-коснулся/укусил или задавил или прогнал). В Восточном Казахстане есть река с названием Кара-бура. В Южно-Казахстанской области есть аул с названием Карабура (*черный верблюд*) от имени известного в степи священнослужителя и сподвижника Ходжи Ахмеда Ясауи, который перед смертью попросил, чтобы его похоронил его черный верблюд.

Встречаются зоотопонимы, связанные с собакой. К примеру, *Итішпес* («собаки не станут пить») – это древнее название озера Алаколь, данное ему из-за большой концентрации соли в составе. В Павлодарской области есть озеро *Итбас* – *собачья голова*.

Отдельный ряд составляют зоотопонимы, образованные от названия диких животных, отражающие охотничье-промысловые виды: кулан, бобр, лось, марал, архар, сибирский козел, кабан, тигр, косуля, соболь, рысь, снежный барс, корсак, лисица, заяц.

По сведениям ряда специалистов, на казахстанских просторах насчитывается не менее восьмидесяти топонимов, связанных с куланом. К примеру, – гора *Кулантау*, река *Кулансу*, лог *Кулансай*, брод *Кулануткель*, сопка *Кулантюбе*, перевал *Куланасу*, ущелье *Куланишат*, местности *Кулансаз* и *Куланкорык* и т. д.

Очень часто топонимы, связанные с животными, заканчиваются на суффикс – *ды*, «указывающий в казахском языке на наличие или преобладание данного животного» (Сапаров и др., 2014: 26). Так, существует географическое название *Куланды* – «место, где водятся куланы».

Встречаются топонимы, связанные со степной антилопой – сайгаком – *кийк*. Существует местность под названием *Кийкты* – «местность, где водятся сайгаки»; один из источников носит название *Кииккудук* («сайгачий колодец»). К примеру, О.А. Султаньяев предлагает такую версию происхождения названия одного из озер в Көкше: «*Зеренді* – озеро, также называются горы, окружающие озеро, что значит «сайгачье», поскольку «*зерен*» монгольское слово, обозначающее «сайгак» (Султаньяев, 1971: 72).

Часто встречаются местности с названием «*қасқыр*», что в переводе с казахского языка – «волк». К примеру, *Қасқыр-Алған* («где брали волка») или *Қасқырлы* («где водятся волки»). Среди зоотопонимов, относящихся к диким животным, иногда встречается *Аю/медведь*. Он – одно из почитаемых животных в древнетюркской картине мира. К примеру, *Аксу-Аюлы* («белая вода – местность, где обитают медведи»); озеро *Маймақ* («косопалый»); *Аюсай* («медвежий овраг») и др.

Среди пресмыкающихся казахи высоко ценили змею, считающуюся символом мудрости. Так, в Казахстане повсеместно встречаются топонимы, связанные со змеей: *Жыландыкөл* («озеро со змеями»); река *Жыланды* («река со змеями»); *Жыландысай* («змеиный овраг»); железнодорожный разъезд – *Жылан* («змея») и многие другие.

В подавляющем большинстве топонимы, связанные со змеей, встречаются в гористой местности, пустынях и около водоемов, то есть в среде естественного обитания змей.

Зоотопонимы Казахстана, отражающие названия как домашних, так и диких животных составляют достаточное количество в общей сумме географических названий, что позволяет заявить об их высокой значимости. Данное подтверждают и статистические данные: «имена животных Павлодарской области представлены в номенклатуре 334 зоотопонимами, которые составляют 7,6% от всех топонимов. При этом, преобладающее количество того или иного животного в конкретном регионе является одним из доминантных факторов в наречении данной местности, но далеко не главным. Часто встречаются метафоричные названия местности, что еще раз подтверждает высокий уровень механизмов функционирования творческого воображения и ассоциативного мышления у кочевников-казахов, в данном случае в анималистическом контексте. Все зоотопонимы отражают не только мир окружающей фауны, но и миропредставления казахов.

Заключение. Говоря о топонимах вообще, Л.В. Камедина пишет: осваивая место, человек преобразует его, исходя из норм своего языка и культуры, он организует свое место символически, немой ландшафт приобщает к культуре (Камедина, 2014: 140).

Таким образом, казахские топонимы с числительными, цветовыми и зоонимными обозначениями, выражая характерную черту местности имеют символическое, ритуальное значение, а многие из них выступают как культурные универсалии. Тем самым перестраивают и трансформируют пространство земли, наделяя его структурой и смыслом, репрезентируя собой один из важнейших элементов нематериального культурного наследия как знание о природе и вселенной.

Статья подготовлена в рамках проекта Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан АР09259280 «Языки казахской культуры как основа этнической идентичности: семиотика и семантика».

Литература

1. Кара-оол Л.С. Числительные в топонимах Тувы// Oriental Studies, 2019. - № 4. - С. 691 – 706.
2. Камедина Л.В. Забайкальский текст в русской культуре//Ученые записки ЗабГУ, 2014. - № 4 (57). - С.139-145.
3. Кенесбаев С.К. Исследования по казахскому языкознанию. - Алматы, 1977. - 351 с.
4. Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. - Алма-Ата, 1974. - 273 с.
5. Конкашпаев Г.К. Казахские народные географические термины // Известия АН КазССР, 1962. - №99. - С. 3-41.
6. Кузнецов Р.С. Нумерология в литературе и математике // Число и мысль. - 1990. - № 5. - С.21-28.
7. Кусманова К.А. Концепт числа// Язык и культура, 2014. - С. 160-165.
8. Конкашпаев Г.К. Словарь казахских географических названий. - Алма-Ата: Академия наук КазССР. - 1963. - 34 с.
9. Мирзабекова А.Ш. Традиционный путь культурной идентификации казахов: социально-философский аспект//Вестник КарГУ им. Е.Букедова. Серия Философия. - 2014. - № 2. - С. 105 – 116.
10. Муратова Р.М. Символика чисел в башкирском языке: автореферат дисс. на соискание уч.ст. к.ф.н., Москва: Институт искусствознания РАН, 2009. - 24 с.
11. Попова В.Н. Структурно-семантическая природа топонимов Казахстана. - Алматы: АДД, 1997. - 156 с.
12. Семби М. Память земли тюрко-монгольской: истоки и символика топонимов (тюркский меридиан). - Алматы: КазНИИК, 2013. - 296 с.
13. Султаньяев О.А. Казахские микротопонимы Кокчетавской области, образованные от личных имен // Ономастика. - М.: Наука, 1969. - С.208-213.
14. Султаньяев О.А. Принципы номинации в казахской топонимике Кокчетавской области. // Ученые записки УрГУ. - 1971. - № 114. - С.62-72.
15. Тлеубай Г.К. Числовые представления в казахской культуре// Материалы международной научно-теоретической конференции «Актуальные вопросы современной филологии: теоретические проблемы и прикладные аспекты». - Алматы: Қазақ университеті, 2012. - С. 261-265.
16. Таниева Ж. Символика цвета как носитель культурных кодов//Простор, 2010. - № 5. - С. 162-167.
17. Утешева Б. Цветовая символика тюркских народов // Айт, 2001. - № 2. - С. 32-41.
18. Эрнитс Э.К. К происхождению тюркского числительного «один»//Советская тюркология, 1987. - № 2. - С. 77-79.

References

1. Kara-ool L.S. Chislitel'nye v toponimah Tuvy (Numerals in toponyms of Tuva) // Oriental Studies, 2019. - № 4. - S. 691 – 706.
2. Kamedina L.V. Zabajkal'skij tekst v russkoj kul'ture (The Zabaykalsky text in Russian culture) // Uchenye zapiski ZabGU, 2014. - № 4 (57). - S.139-145.
3. Kenesbaev S.K. Issledovaniya po kazahskomu yazykoznaniiyu (Studies on Kazakh linguistics). - Almaty, 1977. - 351 s.
4. Kojchubaev E. Kratkij tolkovyj slovar' toponimov Kazahstana (Brief Explanatory Dictionary of Toponyms of Kazakhstan). - Alma-Ata, 1974. - 273 s.
5. Konkashpaev G.K. Kazahskie narodnye geograficheskie terminy (Kazakh folk geographical terms) // Izvestiya AN KazSSR, 1962. - №99. - S. 3-41.
6. Kuznecov R.S. Numerologiya v literature i matematike (Numerology in Literature and Mathematics) // Chislo i mysl'. - 1990. - № 5. - S.21-28.
7. Kusmanova K.A. Koncept chisla (Concept of Number) //Yazyk i kul'tura, 2014. - S. 160-165.
8. Konkashpaev G.K. Slovar' kazahskih geograficheskikh nazvanij (Dictionary of Kazakh geographical names). - Alma-Ata: Akademiya nauk KazSSR. - 1963. - 34 s.

9. Mirzabekova A.Sh. Tradicionnyj pust' kul'turnoj identifikacii kazahov: social'no-filosofskij aspect (Traditional Let Cultural Identification of Kazakhs: Socio-Philosophical Aspect) //Vestnik KarGU im. E.Buketova. Seriya Filosofiya. – 2014. - № 2. – S. 105 – 116.

10. Muratova R.M. Simvolika chisel v bashkirskom yazyke: avtoreferat diss. na soiskanie uch.st. k.f.n. (Symbolism of numbers in the Bashkir language: Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philosophy), Moskva: Institut iskusstvoznaniya RAN, 2009. – 24 s.

11. Popova V.N. Strukturno-semanticheskaya priroda toponimov Kazakhstana (Structural and semantic nature of toponyms of Kazakhstan). – Almaty: ADD, 1997. – 156 s.

12. Sembi M. Pamyat' zemli tyurko-mongol'skoj: istoki i simvolika toponimov (tyurkskij meridian) (Memory of the Turkic-Mongolian Land: Origins and Symbolism of Toponyms (Turkic Meridian)). – Almaty: KazNIK, 2013. – 296 s.

13. Sultan'yaev O.A. Kazahskie mikrotoponimy Kokchetavskoj oblasti, obrazovannye ot lichnyh imen (Kazakh microtoponyms of the Kokchetav region, formed from

personal names) // Onomastika. - M.: Nauka, 1969. - S.208-213.

14. Sultan'yaev O.A. Principy nominacii v kazahskoj toponimike Kokchetavskoj oblasti (Principles of nomination in the Kazakh toponymy of the Kokchetav region). // Uchenye zapiski UrGU. – 1971. - № 114. – S.62-72.

15. Tleubaj G.K. Chislovye predstavleniya v kazahskoj kul'ture (Numerical representations in the Kazakh culture) // Materialy mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii "Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii: teoreticheskie problemy i prikladnye aspekty". - Almaty: Kazakh universiteti, 2012. – S. 261-265.

16. Tanieva Zh. Simvolika cveta kak nositel' kul'turnyh kodov (Symbolism of colour as a carrier of cultural codes) // Prostor, 2010. - № 5. – S. 162-167.

17. Utesheva B. Cvetovaya simvolika tyurkskih narodov (Colour symbolism of the Turkic peoples) // Ajt, 2001. - № 2. – S. 32-41.

18. Ernits E.K. K proiskhozhdeniyu tyurkskogo chislitel'nogo "odin" (To the origin of the Turkic numeral "one") //Sovetskaya tyurkologiya, 1987. - № 2. – S. 77-79.

Шайгозова Ж.Н.¹, Музафаров Р.Р.²

¹Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті,

²Қазақстан Республикасының Материалдық емес мәдени мұраны қорғау
жөніндегі ұлттық комитеті
Алматы қ., Қазақстан
e-mail: zanna_73@mail.ru

ҚАЗАҚ МӘДЕНИЕТІНІҢ ТІЛДЕРІ: ӘЛЕМ БЕЙНЕСІНІҢ КОДЫ ЖӘНЕ КЕСКІНІ РЕТІНДЕГІ ТОПОНИМДЕР (сандар, түстер және зоонимдік белгілер мысалында)

Топонимдерді «мәтін» немесе код ретінде зерттеуге бірқатар отандық және шетелдік ғалымдардың еңбектері арналған, олар топонимді декодтау/мағынасын ашу кезінде кең алуан түрлі ақпараттық өріс ашылады деп санайды. Демек, қазіргі гуманитарлық ғылымдағы этнотопонимдер олардың бірқатар функцияларын, яғни әлеуметтік, салттық, семантикалық-ақпараттық, символдық және т.б. көрсететін пропариялды лексиканың маңызды қабаты ретінде қарастырылады:

Қазақстан топонимикасын аталған аспектілерде зерттеу тек тіл тарихы үшін ғана емес (жоғалған және қолданылмайтын сөздер – архаизмдерді анықтау) және басқа да мәдениеттанулық мәселелер үшін ғана емес, сонымен қатар материалдық емес мәдени мұра сияқты маңызды сала үшін де үлкен маңызға ие.

Демек, бұл мақаланың мақсаты – қазақ топонимдерінің семиотикалық-символдық мағынасын сан есіммен, бояумен және

зоонимдік белгілеумен қайта құру әрекеті болып табылады.

Бұл жұмыста авторлар Қазақстан топонимикасының әлеуетті полисемиясын, оның тіл жүйесіндегі, көркем және мифологиялық сөйлеудегі алуан түрлі

функцияларын, сондай-ақ олардың ұлттық дүниетаным мен дүниені қабылдауды түсіндірудегі рөлін айқындауға ұмтылады.

***Түйін сөздер:** қазақ мәдениетінің тілдері, топонимдер, код, әлем көрінісі, материалдық емес мәдени мұра.*

Shaigozova Zh.¹, Muzafarov R.²

¹Abai Kazakh National Pedagogical University,

²National Committee for the Safeguarding of Intangible Cultural Heritage
of the Republic of Kazakhstan

Almaty, Kazakhstan

e-mail: zanna_73@mail.ru

LANGUAGES OF KAZAKH CULTURE: TOPONYMS AS A CODE AND REFLECTION OF THE WORLD PICTURE (on the example of numerals, colour and zoonyms)

The study of toponyms as a «text» or code is devoted to the works of a number of domestic and foreign scholars, who believe that the decoding/deciphering of a toponym reveals a wide diverse informative field. Hence, ethnotoponyms in modern humanitarian science are regarded as a significant layer of proprietary vocabulary, reflecting a number of their functions: social, ritual, semantic-informative, symbolic, etc.

The study of the toponymy of Kazakhstan in this aspect is of great importance not only for the history of language (revealing the extinct and unused words - archaisms) and other cultural issues, but also for such an important sector as intangible cultural heritage.

Hence, the aim of the present paper is to try to reconstruct the semiotic-symbolic meaning of the Kazakh toponyms with numerical, colour and zoonymic designations.

In this paper the authors, aim to state the potential polysemy of Kazakhstan toponyms, its diverse functions in the linguistic system and artistic and mythological speech, as well as their role in the interpretation of the national worldview and world perception.

Keywords: *Kazakh cultural languages, toponyms, code, world picture, intangible cultural heritage.*